

Часы

Автор:

[Эдуард Дипнер](#)

Часы

Эдуард Дипнер

Часы... Они неотвратно и беспристрастно отмеряют время нашей жизни, безжалостно отбрасывая в прошлое, в Лету, прожитые дни, месяцы, годы, события. Наша память избирательна. как милосердный хирург, она отсекает ошибки и поражения, сохраняя те периоды. когда время словно сгущается, калейдоскопом мелькают люди, события... Это вторая книга автора. Три повести – "Часы", "Художник" и "Когда дуют ветры", объединенные необычностью ситуаций, в которые попадают герои.

Эдуард Дипнер

Часы

Часы

Газеты, как и некоторые другие крупные предприятия, интересны не столько тем, как они делаются, сколько тем, что они вообще существуют.

Карел Чапек, «Как это делается»

На Кутузовском проспекте в глубине Багратионовского сквера лицом к проспекту висит стодвадцатиметровый стакан, называемый «Башней-2000». Сторожевая башня, караулящая вход в новую Москву – Moscow-city. Праздный любопытствующий провинциал, приехавший в столицу, пройдя через ворота сторожевой башни и разинув рот от необычного зрелища, попадает в стеклянную трубу моста Багратиона; долго идет, протискиваясь сквозь толпу таких же, как он, любопытствующих, глядя на серые воды Москвы- реки, и наконец проникает в царство бизнеса, словно сошедшее с открыток с панорамами Манхэттена или Шанхая. Но вернемся назад, в Багратионовский сквер. На небесно-голубом равнодушно-стеклянном фасаде «Башни» в стометровой высоте горит кольцо необычных часов. У этих часов нет стрелок, их заменяет шлейф ресничек, отсчитывающих минуты, и круглые рачьи глаза, отмечающие часы.

Эти часы впервые зажглись ровно в полночь, отделившую старый век от нового. Мой детективный рассказ – о том, как это случилось.

Солидные и маститые писатели обычно предваряют свои произведения словами «Все изложенные здесь события мной выдуманы и не имеют отношения к действительности. Все кажущиеся совпадения совершенно случайны». Я лично не солидный и вообще-то не писатель, а инженер- строитель, волей случая взявшийся за перо, и вообще-то не за перо, а за компьютер, с перьями теперь напряженка. Так вот, я уверяю вас, что все изложенные здесь события – чистая правда. Я заметил, что иной раз в нашей жизни бывают ситуации не менее сложные и запутанные, чем сможет придумать самый хитроумный сценарист. И еще – то, что порой в этой нашей жизни люди начинают вести себя, как актеры на сцене. Впрочем, то, что весь мир – театр и люди в нем – актеры, еще раньше меня заметил Вильям Шекспир. Я и не претендую на первенство.

Итак, я поднимаю занавес...

1

Я коренной москвич в четвертом поколении. К вашим услугам. Я и родился в Москве, только это было очень давно, и столица тогда была совсем другой. В Барашевском переулке, вихляющей дугой уходящем вправо от Покровки, рядом с церковью Введения во Храм Пресвятой Богородицы, что в Барашах, когда-то

стоял старый двухэтажный дом номер десять. Там я и родился. Правда, тогда, когда я родился, на церкви не было креста, его снесли в двадцатых годах, и в неопрятно разрушающемся здании бывшего храма разместили завод электроизделий. Там шумели и гремели станки, в бывший церковный двор, заваленный мусором и тесно уставленный штабелями с изделиями, въезжали для погрузки грузовики. Тот старый дом с деревянным перекрытием и облупившейся штукатуркой, где я родился, давно снесли, и я уже не узнаю моей Москвы с кривыми переулками, с дворами, обнесенными высокими заборами. Многие с того времени изменилось. Впрочем, я сам приложил руки к строительству новой, современной Москвы.

Я вернулся на свою малую родину (а впрочем, какая же она малая, эта моя родина?) спустя много лет после того, как был увезен из нее трехлетним малышом. Теперь я жил на шоссе Энтузиастов, у самой кольцевой дороги, и ездил на работу на потрепанной «шестерке». Я ехал через центр по Новому Арбату, проезжал раскрытую книгу здания СЭВ, затем Кутузовский мост, справа на меня высокомерно глядела сливочная, готически ступенчатая пирамида гостиницы «Украина», а сразу за ней меня приветствовал поднятым копытом бронзовый Конь на высокой скале посреди открывающейся площади. «Привет!» – говорил я Коню, и он склонял передо мной свою породистую голову. Всадник на Коня – это был героический князь Багратион – не замечал меня. Отклонившись назад, сурово нахмурившись, замахнувшись шпагой, он смотрел куда-то высоко в небо. Бронзовый князь не одобрял всей этой суеты за его спиной, всей этой новизны, в которую рядилась Москва. Сразу за хвостом Коня меня ждало мое место работы – новая строящаяся башня столицы. Как в давние времена стареющие императрицы Российской империи рядились в новомодные пышные наряды, так и теперь стареющая красавица Москва – императрица, управляющая новой империей – Россией, – спешно рядилась в модные западные наряды, в холодный безразличный блеск стеклянных фасадов, взметнувшихся высоко в небо.

2

Нелюбопытный и нетерпеливый читатель может пропустить эту главу. В ней я попытаюсь объяснить, как устроены и как работают запутанные и трудноуправляемые процессы, которые называются промышленным строительством.

Всякое строительство начинается тогда, когда появляется или, если хотите, рождается Заказчик. В один прекрасный день (извините за штамп, но для нас, строителей, это в самом деле прекрасный день) Заказчик, у которого по каким-то причинам появились деньги, чтобы потратить, решает построить что-то, чего до сих пор не было на земле, – завод, стадион или башню. Я не знаю, как и откуда появляются эти деньги, мир финансов очень сложен для меня, простого инженера. Я только знаю точно, что когда денег нет или очень мало, то это беда. А когда денег очень много, это почти всегда становится большим злом. С моей точки зрения. У меня лично много денег никогда не было, так что я, возможно, ошибаюсь. Так вот, когда Заказчик решается стать на этот крайне рискованный, сложный и скользкий путь, он ищет и находит Архитектора. Не путайте, пожалуйста, нас, строителей, с архитекторами. Мы ходим в грязных сапогах по земле, которую называем стройплощадкой, а те живут в башнях из слоновой кости и мечтают осчастливить человечество новым, невиданным ранее архитектурным чудом. Мне лично кажется, что архитекторы специально задаются целью, как навредить и испортить жизнь нам, строителям, придумать такое, что сделать имеющимися у нас средствами невозможно. В день, когда Архитектор показывает свой проект Заказчику, тот начинает понимать, что на строительство нужно значительно больше денег, чем у него есть, и начинается долгий и мучительный процесс приближения заоблачной мечты Архитектора к земным возможностям Заказчика. Если им удалось достичь компромисса, то это значит, что старт состоялся. Заказчик основывает управление строительством и объявляет конкурс (на строительном жаргоне – тендер) на право стать Генеральным подрядчиком стройки. Выбор генподрядчика – лукавое действие. Хорошо известные и не очень хорошо известные строительные фирмы подают на тендер свои заявки, показывают свои достижения, рисуют радужные перспективы, обещают построить быстро и дешево, но Заказчик знает, что в этих обещаниях изрядная доля вранья. Все строители – хронические вруны. Это у них профессиональное. А как вы хотели? Строительство – непредсказуемый процесс. Например, вырыл Строитель грандиозную яму под фундамент, собирается залить ее бетоном, а тут, как назло, зарядили проливные дожди, и яма превратилась в озеро, а стройплощадка – в болото. Целую неделю Строитель откачивает воду, осушает площадку, выставляет опалубку, готовится принять бетон, а тут грянули суровые морозы, яму засыпало снегом, Заказчик запрещает бетонные работы, и снова – жди у моря погоды. На стройках работают одновременно несколько разных строительско-монтажных организаций, они мешают друг другу, срывают красиво разработанные графики строительства, и все сроки летят в тартарары, к чертовой бабушке и еще дальше, в непечатные просторы русского языка. Опытный и мудрый Заказчик знает, что верить строителям на слово нельзя, и выбирает генподрядчика по

каким-то другим, мне не ведомым соображениям.

К вашему сведению, все строительные работы делятся на общестроительные и специальностроительные – это металлические конструкции, отопление, вентиляция, электроснабжение и многие другие инженерные работы. В давние славные советские времена специальные строительные работы выполняло Министерство монтажных и специальных строительных работ, сокращенно Минмонтажспецстрой. Мы были строительной элитой и смотрели свысока на этих копающихся в земле строителей. Минмонтажспецстрой был широко известен в узких кругах. Он строил космодром в Байконуре, чтобы запускать в глубины космоса ракеты, и Севмашзавод в Северодвинске, чтобы запускать в глубины океанов подводные лодки. С наступлением новых времен рассыпалось, как карточный домик, могучее и славное министерство, ушли в свободное плавание заводы, монтажные управления преобразовались в акционерные общества, но отдельные фрагменты министерства продолжали жить, пытаюсь сохранить связи в сумбурном, бессвязном мире. Таким фрагментом был Илья Дмитриевич Писарев, бывший замминистра и бывший второй секретарь Московского гор-кома КПСС.

Строительство Новой Москвы было задумано Юрием Михайловичем Лужковым, а архитектором стал Борис Иванович Тхор – 6-я мастерская Моспроекта. Долго выбирать генподрядчика не пришлось. По настоятельной рекомендации управделами президента Павла Бородина им стал Бюджет Пацолли и его фирма Mabetex.

Как случилось то, что косовский албанец, вышедший из заштатной и полунищей окраины Европы, стал главным строителем России, получившим из рук Ельцина диплом и звание Заслуженного строителя России? Эта детективная история берет начало в 1973 году, когда глава швейцарской фирмы «Интерпластик» Макс Гигакс рискнул проникнуть за железный занавес и получил фантастические возможности зарабатывать большие деньги. Гигакса поразило то, как легко, за совсем небольшие взятки можно сделать строительные контракты в Советском Союзе. Герой моего повествования Бюджет Пацолли был учеником Гигакса. Как часто в нашем сложном мире талантливые ученики превосходят своих учителей! Учредив свою собственную фирму, Пацолли ринулся по дороге, проложенной учителем, и конечно, вытеснил его из России. Извините, мэтр, подвиньтесь, Ваши приемы и масштабы устарели. В связке с Пацолли шли и косовские сербы братья Каричи, те, что ныне в фаворе у главного строителя Беларуси, ее президента. Но это отдельная история. В 1992 году

неведомыми путями Пацолли получил контракт на реконструкцию завода в Якутске. Правда, любопытно: где Косово и где Якутск? И там состоялось его судьбоносное знакомство с мэром Якутска Павлом Бородиным; они сошлись во вкусах и методах ведения бизнеса, и фирма Пацолли Mabetex раз за разом получала все новые строительные контракты в Якутске. Вскоре незаурядные организаторские способности Пал Палыча Бородина привели его в Москву, где он стал управляющим делами президента, и сразу же его албанский друг волшебным образом получил невиданные, ослепительные контракты: реставрация здания Государственной Думы, реконструкция резиденций Ельцина «Волжский Утес» и «Бочаров Ручей», реконструкция «Внуково-2» и гостиницы «Золотое кольцо», реставрационные работы в Кремле и, конечно, генподрядный контракт на строительство «Москва-сити». Швейцарский банк «Banco del Gottard» работал с полной нагрузкой, перемалывая миллионы долларов. Хорошо известно, что швейцарские банки умеют хранить секреты, и все было бы гладко и безоблачно, но случилось непредвиденное. Советник банка Филипп Туровер родился в Советском Союзе и имел израильский паспорт, но был истинным швейцарским гражданином. Швейцарцы обожают свою изумительную страну и готовы защищать ее честь и достоинство от любого покушения. Хотите – верьте, хотите – нет, в массе своей они очень честные и порядочные патриоты. Филипп не мог поверить своим глазам. Настоящая преступная банда орудует на его новой родине. Они открывают миллионные счета в швейцарском банке для того, чтобы купить очередную виллу в Швейцарии, пусть на подставное лицо, но ведь они преступают законы, и им нет места здесь! Он напросился на прием к генеральному прокурору Швейцарии Карле дель Понте и рассказал ей о чудовищных злодеяниях, которые творит фирма Mabetex, работающая в России. Карла дель Понте связалась с генеральным прокурором России Юрием Скуратовым, и скоро Филипп Туровер в швейцарском посольстве в Москве вручил тому 49 папок с 4919 страницами копий счетов и документов о деятельности Беджета Пацолли в России. Из этих документов следовало, что Пацолли перевел свыше 60 миллионов долларов на личные счета граждан России, в том числе Павла Бородина и двух дочерей Ельцина, что Бородин получил от своего друга миллион долларов наличными, бриллиантовое кольцо и драгоценные часы, что контракты на работы в Кремле завышались на 30–60 процентов! Скуратов открыл в России уголовное дело № 18/221042-98. Интриге мог бы позавидовать сам Шекспир: ведь фигурантами дела было ближайшее окружение президента и едва ли не сам безнадежно стареющий президент! Следом уголовное дело открыла в Швейцарии Карла дель Понте. Назревал грандиозный международный скандал, и все силы российских правоохранительных органов и юстиции были брошены на тушение этого пожара. Были призваны лучшие мастера компроматного жанра, состряпавшие

видео пленку скверного качества, на которой человек, похожий на генерального прокурора, забавлялся в постели с девицами в квартире на Большой Полянке. Срочно ночью пленку показали на государственном телеканале, а на следующий день лично президент предложил Скуратову уйти по-хорошему. Уголовное дело передали правильному следователю Руслану Тамаеву, и тот закрыл его за отсутствием состава преступления. Потому что при ближайшем рассмотрении на документах, представленных Туровером, не было обнаружено подписей Бородин. Зато было заведено громкое уголовное дело на этого гада Туровера – за неуплату сотни рублей за проживание в гостинице. Жаль, что не удалось достать, как ни старались, эту ведьму Карлу дель Понте. А ведь она довела дело до конца. Павел Бородин был арестован в аэропорту Нью Йорка, препровожден в Швейцарию, отпущен под залог пять миллионов швейцарских франков, а затем осужден заочно швейцарским судом – приговорен к штрафу в 300 тысяч швейцарских франков.

Выдающаяся деятельность Бородина была высоко оценена на Родине – ему, в то время уже занимавшему высокий пост Государственного секретаря никогда не существовавшей страны – Союзного государства «Россия – Белоруссия», была присуждена степень доктора политических наук за защиту диссертации «Социально-политическая стабильность – основное условие развития России» и звание профессора политологии и экономики. Доктор таких вот наук – политических. Признаюсь честно, до написания этого рассказа я не подозревал о существовании таких наук и к госпоже Науке относился с большим уважением, не зная о столь темных пятнах в ее биографии.

А что с его другом Пацолли, за которым давно охотились германский Интерпол, полиция Швейцарии и налоговая гвардия Италии? Он обвинил во всех смертных грехах управление делами президента и своего закадычного друга Бородина, разорвал контракт на строительство Moscow-city, унося с собой все полученные миллионы, и ушел в большую политику на своей родине Косово. Там он преуспел, не случайно став косовским президентом: на российские деньги Пацолли финансировал косовских боевиков, в чем был уличен итальянской полицией («Новая газета» № 21 от 27 марта 2000 года).

3

Я начал работать на этой стройке в 1999 году, когда Mabetex еще значился генподрядчиком комплекса. Вообще-то, его действия как генподрядчика сводились только к распределению денег. На российские деньги он нанимал

работников в Москве, на российские деньги он нанимал исполнителей за границей. Представительство Mabetex на строительстве возглавлял лысоватый, сухопарый, многоопытный Иван Семенович Оголь. Мабитексовские поставки комплектов для остекления фасада башни шли по сложной схеме с множеством промежуточных звеньев. Стекло Light Blue производилось где-то в Юго-Восточной Азии, отгружалось в швейцарский кантон Тичино, там на местном заводе из него делали стеклопакеты, готовые стеклопакеты поступали в небольшую мастерскую Винченцо Ветрано в том же кантоне, там к ним добавляли структурные элементы, передавали фирме Mabetex и отгружали в Москву. Каждому понятно: чем больше передаточных звеньев и чем шире география, тем больше расходов. Можете себе представить, сколько стоили эти стеклопакеты?!

На строительство требовались, кроме всего прочего, металлические конструкции, и Оголь предложил разместить их изготовление в той же Швейцарии. Но это был явный перебор, и конструкции, по авторитетному совету Ильи Дмитриевича Писарева, были отданы российской фирме «Стройсталь», где я в то время работал. Так я оказался в пестрой компании строителей «Москва-Сити» и стал неременным участником строительных оперативных совещаний.

Строительная оперативка – это своеобразное представление, комедия дель арте, построенная по своим, десятилетиями освященным канонам.

Очередную оперативку ведет заместитель генерального директора ОАО «СИТИ» Александр Андреевич Серегин. Он дотошный и въедливый, часами, до полного изнеможения участников ведущий нудное действо. Сегодня его жертва – строительное управление «Строймонолит», ведущее бетонные работы. Основные, крупные объемы здесь управление уже выполнило, остались недоделки тут и там, мелочь, ничего не заработаешь, и вот уже неделя, как начальник стройуправления снял всех рабочих на другой объект. Сам Мальцев на оперативку не приехал, послал прораба, и Серегин с видимым удовольствием издевается над беднягой. Тот, потев и запинаясь, говорит о трудностях, переживаемых его управлением, о том, что на втором этаже ему мешают работать электрики, ведущие монтаж, а в атриуме «Стройсталь» разложила свои конструкции, невозможно работать, но Вадим Семенович лично проводил совещание и обязал...

– А почему Вы не обратились ко мне лично? Я бы навел порядок, – юродствует Серегин.

– Вадим Семенович Вам звонил, но не смог дозвониться... – ужом выкручивается прораб.

Мы, два десятка руководителей стройки, уныло слушаем эту тягомотину, понимая ее бесцельность и безнадежность. Сами-то мы отлично знаем друг друга и по делу умеем договариваться о совместной работе без вмешательства заказчика, он только навредит делу.

В конце концов Серегин взрывается:

– Передайте Мальцеву, что если в течение трех дней он не исправит положения, то я доложу о его безответственности лично Иосифу Николаевичу.

Иосиф Николаевич Орджоникидзе – заместитель Лужкова, курирующий строительство. Конечно, он не будет опускаться до каких-то бетонных работ, но угроза эта серьезна, и «Строймонолит» уже на следующий день начинает создавать видимость работы.

Ведущей театральной звездой оперативки был Оголь. Когда Серегин вызывал Ивана Семеновича, зрительный зал замирал в предвкушении высокого искусства, прекращалось шуршание газет и разговоры вполголоса. Оголь поднимался, выдерживал вступительную паузу и начинал говорить о глубоком уважении, которое его фирма Mabetex и он лично питает к руководству строительства. В задних рядах проносится шепоток: «У Оголя сегодня дела совсем швах». Серегин пытается приземлить докладчика, но сбить его трудно. Он вдохновенно описывает достижения своей фирмы, которая в условиях недостаточного финансирования со стороны уважаемого заказчика... Серегин хлопает ладонью по столу.

– Хватит, Иван Семенович, петь осанну! Почему до сих пор не закончено остекление западного фасада? Вы же заверяли нас месяц тому назад. Где машина со стеклом?

Машина со стеклопакетами из Швейцарии еще не грузилась из-за финансовых разборок, но Оголь отстреливается до последнего патрона.

– Александр Андреевич, машина на подходе, мы следим за ее передвижением по всей Европе. Как только...

– Черт возьми, – взрывается Серегин. – Где же она?

Голос Оголя поднимается до трагических высот.

– Александр Андреевич, мы не можем держать наших представителей на всех перекрестках и таможенных пунктах. Вы нам за это не платите!

Из папки выхватывается пачка листов, Оголь машет ими.

– Вот, мы посылали восемь факсов.

Мы на галерке потешаемся. Представление удалось.

Я мотался по стране, размещая изготовление конструкций, проверяя и принимая их. Шахту лифта изготавливал в белорусском Молодечно мой родной завод, а несущие конструкции атриума – переплетения из нержавеющей труб – были очень сложны, и за них взялся только Ульяновский авиастроительный завод.

Но вот конструкции атриума смонтированы, и создается новая и парадоксальная ситуация: на смонтированные мной конструкции крепится остекление, и генподрядчик Mabetex становится субподрядчиком «Стройстали»! Какое унижение для гордой фирмы г-на Пацолли! Мы сидели втроем – Серегин, мой шеф Кравцов и я – и приняли соломоново решение: фирма г-на Ветрано разрывает контракт с Mabetex'ом и заключает новый со «Стройсталью». Так началась моя работа с улыбчивым и хитрым итальянцем. Ветрано всегда приезжал Россию в сопровождении Мирослава Новака – словака, работавшего в Швейцарии. Мирослав хорошо владел русским языком, что позволяло нам работать без международных инцидентов. Вот тут я узнал, по какой цене поставлял стеклопакеты г-н Пацолли: в полтора раза дороже, чем получал Ветрано! Конечно, то, что позволялось Mabetex'у, не позволялось нам, простым россиянам. Деньги за поставляемые стеклопакеты шли неведомыми, круглыми путями, минуя нас.

Остекление атриума – это «Glass wall», сплошь стеклянная стена, в которой, как в зеркале, без искажений отражается весь окружающий мир, где все элементы выверяются с точностью до долей миллиметра. Мы с моими ребятами-монтажниками разобрались в сложной технологии монтажа, и работа шла, но скандал, поднятый Карлой дель Понте, добрался и до нас. Уличенный в мошенничестве Пацолли в благородном негодовании разорвал контракт с московской мэрией и скрылся с глаз, унося полученные деньги, не заплатив никому. Вместе с ним исчез Ветрано, оставив неостекленным половину атриума, бросив на произвол судьбы беднягу Луиджи. Итальянец Луиджи заведовал складом стеклопакетов, прибывавших из Швейцарии, не знал ни слова по-русски и говорил на ужасающем южном диалекте итальянского. Я, знавший язык Данте в объеме школьного учебника, объяснялся с Луиджи в основном всемирным языком жестов. Также помогая себе жестами, с добавлением изысканных итальянских ругательств, Луиджи объявил мне, что остающиеся на складе три десятка стеклопакетов он выдаст только с оплатой ему, Луиджи, наличными по полной стоимости.

– No! – ответил я ему на рафинированном итальянском.

– Che nessuno lo prendo! (в смысле, пусть никому не достанутся), – заорал Луиджи, добавив что-то из своего языкового арсенала.

Я смутно вспомнил, что когда-то слышал эту фразу на театральной сцене, не помню, кто это произнес – то ли шекспировский Отелло, то ли Карандышев Островского. Но то, что произошло потом, было похоже на театральный фарс:

Луиджи схватил лом и начал крушить в осколки все, что было на складе. А настоящей трагедией стало мое положение: я подрядчик, атриум остеклен только наполовину, и у меня – ни стеклопакетов, ни чертежей, ни каких-либо понятий, где и как эти стеклопакеты делаются, ни представления, где находится это загадочное Тичино и как туда попасть.

Реакция Серегина на происшедшее была классической в том же стиле:

– Знать ничего не хочу. У Вас есть контракт? Вот и исполняйте.

И тут я вспомнил о Мирославе Новаке. Он же давал мне свой номер телефона и приглашал приехать в гости! Я хронически неаккуратен в своих записях,

записываю все на случайных клочках бумаги, за что меня нещадно ругает моя жена. Но это был особый случай, записка с телефоном Мирослава счастливым образом нашлась в куче моих бумаг, я позвонил, объяснил ситуацию, и Мирослав, добрейшей души человек, ответил: «Приезжайте, помогу». С этим мы с Кравцовым и пришли к Писареву. Илья Дмитриевич только хмыкнул:

– Вы и в самом деле думали, что кто-нибудь в этой сраной конторе вам поможет? И не надейтесь. А Серегина я знаю как облупленного. Скользкий и подлый человек. Но мы пробьемся. То, что у вас есть контакт с вашим, как его? С Новаком? – это отлично. А как добыть визу в Швейцарию? Есть надежный путь. Покупайте тревел-тур по Швейцарии, кстати, отдохнете, посмотрите эту удивительную страну и сделаете дело.

Оставшиеся три дня я лазил по атриуму, обмерял, сопоставлял с уже выполненным остеклением и составил все – чертежи, спецификации, количество недостающих стекло- пакетов.

В Цюрих мы летели втроем – Валентин Кравцов с женой и я. Это была удивительная, незабываемая поездка. Традиционно известный образ Швейцарии – это снежные пики и горнолыжные трассы, но есть и другая Швейцария – равнинная. Буколическая страна, сошедшая с праздничных открыток, тщательно постриженная и отмытая, спокойная, неторопливая, с коровками, пасущимися на изумрудных лугах, со старинными живописными замками и озерами, в которых отражаются сахарные пики Альп.

Дорогие мои читатели. Я догадываюсь, что вы проводите свой ежегодный отпуск в Хургаде или Анталье, загораю до черноты на пляжах под палящим солнцем, отмокая в море и запивая все это великолепие пивом. Рискните один раз в жизни – купите тревел-тур по Швейцарии. Вы окунетесь в удивительный мир. Сверкающий красавец- автобус повезет вас по дорогам этой сказочной страны, где на изумрудных лугах у подножья заснеженных гор пасутся трогательные швейцарские коровки. Только из их молока можно сделать знаменитый швейцарский сыр, который вошел в пословицы из-за своих сплошных дырок. Вы побродите по улочкам сказочного городка Stein-an-Rhein, где фасад каждого дома – картинная галерея, и насладитесь зрелищем Rheinfall – каскада водопадов, где Рейн клокочет белой пеной, разбиваясь о скалы. Вы побываете под мрачными сводами Шильонского замка, вырастающего из вод Женевского озера, и насладитесь видом женевского фонтана, мощной струей бьющего в небеса. Ваши глаза будут разбегаться при виде калейдоскопа настоящих

швейцарских часов, продающихся здесь на каждом углу. Вы познаете вкус настоящего фондю и услышите переливы йодль-пения. Вы поймете, почему русские люди от Карамзина и Достоевского до Ленина так трогательно любили Швейцарию. Кстати, в советские времена нам говорили, что Основатель именно здесь, в Швейцарии, разработал теорию и тактику Революции, но я очень в этом сомневаюсь. Воздух Швейцарии дышит миром и спокойствием, никаких революций ни в прошлом, ни в будущем!

Воздух Швейцарии удивительно чист и свеж, он пьянит и кружит голову. В нашей travel-группе было двадцать человек, в том числе восемь семейных пар, очень добропорядочных и правильных, три девицы в рисковом возрасте за тридцать и я – свободный человек. Временно свободный. От жены. От детей. От внуков.

Одна из девиц звалась Татьяной. Судьба впервые свела нас на Рейнском водопаде. Она шла впереди и, заглядевшись на пенные струи, споткнулась и едва не упала, но волею судьбы рядом был я, ловко подхвативший ее. Очень подходящий случай для знакомства. Она поблагодарила, смутилась и окинула меня взглядом пушкинской героини. Скоро выяснилось, что Татьяна старательно учит английский язык, и мы с потугами, но с увлечением болтали с ней на языке Байрона. В Женеве, финальном пункте поездки, был прощальный ужин, мы с Татьяной сидели рядом, чокались бокалами, и она шепнула мне: «Приходите на берег озера в девять».

Женатые мужчины, кому за пятьдесят, признайтесь честно, кто бы из вас устоял? Увы, она не пришла ни в девять, ни в половине десятого. Она рвалась, она страдала, но более благоразумные ее подруги крепко держали Татьяну за руки. Вот так вот, не получился из меня Евгений Онегин. Может быть, оно и к лучшему. Бог знает, что мы с ней натворили бы под этим романтическим швейцарским небом!

На следующий день мы с Кравцовыми улетали в Лугано. Тичино – самый южный, итальянский кантон Швейцарии. Закрытый с трех сторон горами и обращенный к югу филиал рая на земле. Самолет летел над Альпами, и я любовался феерической картиной, открывшейся из иллюминатора: острые горные пики и долины между ними, покрытые самым чистым на земле снегом и залитые самым ослепительным на земле солнцем.

Мне не спалось этим утром в гостинице. Солнце только вставало, выбрасывая стрелы лучей из-за розовой кромки гор, и вся эта волшебная картина – горы, встающее солнце и небо необычайно чистых красок, – опрокинувшись в захватывающем дыхании кульбите, отразилась в идеальном, без единой морщинки, зеркале озера Лугано. Кафешка в двух шагах от берега была уже открыта. Я заказал *insalata italiana e uno bicchiere (бокал) di vino rosso*.

– *Che vino?* – поинтересовался официант.

– *Ticinese, naturalmente,* – ответил я, и он понимающе улыбнулся.

Я сидел за столиком, цедил вино, впитывая всеми порами моего тела фантастическую картину безумного художника, расстилавшуюся передо мной, и чувствовал себя случайным грешником, незаслуженно, по ошибке заброшенным в этот уголок земного рая. Я понимал, что больше никогда в моей жизни не повторится эта картина, эти впечатления, и старался запомнить, запечатлеть их в памяти на всю оставшуюся жизнь.

Кстати, на заметку Вам, мой читатель, когда Вы попадете в Тичино. Вино из Тичино – *vino ticinese* – делают на небольших семейных заводиках и не экспортируют за границу. Это лучшее вино в мире, можете мне поверить. Но все его достоинства можно оценить, только сидя на берегу озера Лугано.

А контракт на поставку недостающих стеклопакетов состоялся удивительно просто и быстро, как и должно все совершаться в этой сказочной стране. Мирослав представил меня директору фирмы, и на следующий же день все было готово – короткие сроки, невысокие цены...

Вот тогда я понял, как и почему удавалось всем этим пацолли, ветрано и каричам беспрепятственно грабить мою страну. Долгое время мы, советские инженеры, были невыездными, варились в собственном, отечественном дерьме, в то время как цивилизованный мир стремительно уходил в новые решения и технологии. Пацолли и Каричи совместно с чиновниками от строительства делали большой секрет из этих технологий. Широкими спинами они отгораживали от нас все новое.

Настал новый, двадцать первый век, моя страна стала свободной и открытой, и я верю, что уже никогда этим стяжателям не будет места в ней.

Эта оперативка была 8 декабря, традиционно нудная, все основные работы уже выполнены, и недавно состоялось торжественное открытие башни. По этому случаю мы, строители и монтажники, чисто вымыли шеи и надели наши самые яркие галстуки; нас выстроили в ярко освещенном вестибюле, и мимо нашего фронта двигалась процессия. Впереди шагал Орджоникидзе, он широко и кругло размахивал руками, объясняя, как он строил и воздвигал. Маленький, неприметный Лужков в неизменной кепочке блином казался инородным телом в этой блестящей кавалькаде. Юрий Михайлович остановился и сказал нам несколько приветственных фраз, мы вежливо похлопали, и на этом все закончилось. Не было ни шампанского, ни накрытых столов, ни кавказских тостов, и было обидно за зря отмытые шеи. Положение спасли мои друзья-сербы. Эти сербы обязательно были на каждом российском строительстве. Я не знаю, как, какими путями они проникают на наши стройки, но, в целом, это неплохие ребята. Они истинные славяне, хорошо говорят по-русски, держат слово, и с ними было легко договариваться

– Мы это так не оставим! – заявил Слободан – начальник среди сербов. – Прошу всех к нам.

Мы тесно набились в сербскую каптерку, сдвинули столы, и тут же на них появились пузатые бутылки с сербским пивом и какая-то незамысловатая закуска.

– Пиво без водки – деньги на ветер! – провозгласил Слободан, и мы охотно с ним согласились.

Между прочим, русская водка, добавленная в сербское пиво, вовсе не портит его, даже наоборот, украшает. Как хорошо, что я в этот день был без машины! Мы пили за успех нашего общего дела, за всех строителей, за славянское братство, потом за все хорошее, потом... Я уже не помню, за что.

Оперативка шла нудно и дежурно. Но вдруг мобильник Серегина звякнул особым звонком. Серегин сказал мобильнику: «Хорошо», – и поднялся.

– Так, Неплюев, Вы тут заканчивайте оперативку. Мальцев, Оголь, – он назвал еще семь фамилий, включая мою, – пойдете со мной к Ирине Константиновне.

Мы поднимаемся и гуськом двигаемся в другой, малый совещательный зал. Импозантная моложавая дама с красивым, надменно недобрый лицом, Ирина Константиновна Гаазе была генеральным директором ОАО «СИТИ» и воро-чала всеми деньгами, протекавшими через строительство. Всегда театрально вычурно одетая, с тщательно уложенной, только что из салона, прической, она обладала диким нравом и в своем кабинете орала благим матом, невзирая на лица. Исключением был, пожалуй, наш Илья Дмитриевич, поднять голос на него Ирина Константиновна не осмеливалась. Гаазе была доверенным лицом самого Орджоникидзе, и ей было позволено все.

Через два года проверкой деятельности ОАО «СИТИ» займется Московская счетная палата и выяснится, что более трети из 900 миллионов долларов, ушедших на строительство, утекли неизвестно куда, что контракты заключались без предварительных расчетов и смет, et cetera, et cetera... Но ведь известно, что в России так уж повелось: чем крупнее уголовное дело, тем труднее его распутать...

Кроме Гаазе в зале сидела Маша Черняк. Заместитель директора успешной фирмы «Эдлайн», Черняк, несмотря на свои тридцать пять, для всех была просто Машей. Ей это очень шло и помогало как-то непосредственно решать сложные проблемы. Ирина Константиновна была заметно взволнована.

– Серегин, ты всех привел? Садитесь, господа, я собрала вас по заданию Иосифа Николаевича. Он сам не смог приехать и поручил мне переговорить с вами. Приближается двухтысячный год, и нам поручено на нашем здании смонтировать часы. Эти часы будут символом Миллениума, они начнут отсчет нового тысячелетия, и это нужно сделать до первого января. Маша, покажи.

Маша развернула компьютерную картинку. На голубом стеклянном фасаде здания на стометровой высоте горел яркий круг электронных часов.

– Я никого не могу обязать, – продолжала Гаазе, – но это задание правительства Москвы. Кто добровольно возьмется за эту почетную работу?

После паузы, пока мы тарасились на Машин плакат, поднялся Оголь.

– Ирина Константиновна, – как всегда торжественно начал он, – это очень почетное задание, и оно по силам нашей фирме. Но насчет срока Вы, наверное, пошутили. Такие дела за три недели не делаются. Мы беремся все это сделать к первому января 2001 года, в крайнем случае к первому июля.

– Иван Семенович, перестаньте паясничать! – взвизгнула Гаазе. – Я не собираюсь шутить с Вами. Еще раз повторяю, это задание правительства Москвы!

Наступила томительная пауза. Я сидел позади всех, размышляя, и решение задачи вдруг развернулось передо мной. Со мной такое иногда бывает – что-то щелкнет в голове, и вот оно, готовое решение во всех подробностях. Правильное или неправильное – это уже другой вопрос. Я уже бегло просчитал в уме, увидел, как это можно сделать, представил себе конструкцию и ее монтаж. Я поднял руку.

– Минмонтажспецстрой берется.

Я испугался, что Оголь свернет себе шею, настолько стремительно он, как и все остальные, повернулся и уставился на меня.

Потом Оголь долго шипел на меня:

– Ты что, совсем свихнулся? Кто тебя за язык тянул? Ты соображаешь, куда лезешь? До Нового года – двадцать дней. Ни проекта, ни чертежей, вообще непонятно, как лепить эту штуковину на стеклянный фасад. Я знаю, ты отчаянный мужик, но здесь ты точно сорвешься, обгадишь себя и Илью Дмитриевича. Поверь мне, я монтировал этот фасад и знаю, что это просто невозможно в такие сроки.

Конечно, он был прав. Нормальным, таким, как Оголь, людям это не под силу. Я думаю, никто, включая Гаазе, не верил в то, что все это можно исполнить в столь короткие сроки. И что найдется ненормальный, кто решится на это безнадежное дело. Но команда сверху была дана, и система сработала на исполнение команды. Ну, не получится в установленный срок – поругают, дадут новый срок, эка беда! Нельзя же перечить высокому начальнику. Так была построена советская система строительства, такой она остается до сих пор.

Всякий строительный проект, если его пустить по накатанной колее, проходит следующие стадии: составление задания на проектирование – согласование и утверждение задания – разработка проекта в одном из проектных институтов – согласование проекта в многочисленных инстанциях – утверждение проекта – составление сметы на строительные работы и, конечно, ее согласование – разработка рабочих чертежей. Все это занимает как минимум четыре месяца. Затем следует разработка проекта производства работ и его согласование в многочисленных инспекциях. Растет и пухнет папка документов с многочисленными подписями и печатями. Дальше идет размещение изготовления на одном из заводов – составление и согласование договора – еще три-четыре месяца – наконец начинаются монтажные работы – составляются и согласовываются графики производства работ – и совещания – инспекции – проверки – и снова совещания. В работу вовлечена масса людей, и никто не рискует и не несет ответственности, все обложено бумагами и согласованиями. Оголь очень хорошо знал все эти строительные процедуры, и его оценка сроков – год – была весьма оптимистичной.

Только я был ненормальным романтиком и думал по-другому. Я был очарован Машиным проектом, и вся идея – часы как символ Миллениума – захватила меня.

– Все свободны, – коротко сказала Гаазе, – Дипнеру и Маше остаться. Серегин, ты тоже свободен.

Маша была хорошим компьютерным дизайнером, совершенно не разбиралась в конструкциях, и с ней было легко работать. Мы немного пошептались, и я изложил Гаазе условия: договор должен быть подписан в течение двух дней, подрядчик – «Стройсталь», субподрядчик – «Эдлайн», аванс – 70 %, перечислить в течение двух дней.

– И еще, Ирина Константиновна, – сказал я, – мои условия: времени в обрез, и поэтому оградите меня от всяких комиссий, согласований и совещаний и особенно от помощи Серегина.

В своем кабинете Илья Дмитриевич выслушал меня, походил взад-вперед, улыбнулся:

– Я знаю об этом проекте. Вы правильно поступили. Я позвоню Ирине Константиновне, она редкая стерва, но придется с ней работать, выбивать

деньги.

5

Вряд ли когда-нибудь в моей жизни было более напряженное время – эти три недели. На мне замыкалось все – расчеты, разработка чертежей, работа изготовителей, декораторов, светотехников, монтаж системы подогрева, электронной системы управления, разработка проекта монтажа, просчет всех затрат и стоимостей, составление договора. Нужно было предусмотреть каждую мелочь, всё расписать по дням и даже часам. И везде проблемы, что-то не учтено, разработанный график понемногу сползает, срывается.

Сама задача была очень сложной. Несущая конструкция часов должна быть малозаметной, но прочной и жесткой. На высоте свыше ста метров ветровые нагрузки увеличиваются вдвое, ветер там не задерживается городской застройкой и гуляет вольно, но конструкция должна быть предельно легкой, ведь она будет висеть на хрупком стеклянном фасаде. Она должна противостоять ветрам, дождям, снегопадам и морозам, не должна покрываться изморозью и обледенением. Ей не позволено дрожать и вибрировать. Громадина диаметром шесть метров должна быть изготовлена с точностью до долей миллиметра и на сумасшедшей высоте совпасть с заранее выполненным креплением. В конструкции должны быть предусмотрены отверстия для проводки проводов и подогревающего кабеля, для крепления всех элементов электронных часов. У меня нет права на ошибку! Решаю, что основным элементом часов будет тор – бублик из нержавеющей трубы диаметром 114 миллиметров. Эту трубу нужно точненько свальцевать и сварить. Такая работа под силу авиастроителям – Воронеж или Ульяновск, но у меня нет времени на поездки и перевозки. Кто же в Москве сможет изготовить такую конструкцию? Отзывается завод «Энергия», что в Королеве. Да, там, где делают ракеты. В то время, в конце девяностых, там не делали ракет. Вся космическая программа была свернута, и огромные пролеты цехов знаменитого завода пугали пустотой и мертвой тишиной, но остались люди – рабочие и инженеры, умеющие делать уникальные вещи, и им было позволено брать заказы со стороны, чтобы выжить, свести концы с концами.

Это был инструментально-механический цех, отличные ребята-инженеры Епишин и Макаров и, конечно, рабочая бригада. Им всем надоело вынужденное безделье, и мы с ними обсуждаем мои торопливые чертежи и эскизы.

– И это будет висеть на самой верхотуре башни, у всей Москвы на виду? – спрашивает меня бригадир Петр Никитич. – Это здорово! Не волнуйтесь, сделаем все в лучшем виде.

Я подробно объясняю мои требования, какие размеры необходимо выполнить особенно точно, и на моих глазах за неделю рождается многоглазое чудо, сверкающее серебристым пламенем. Это королёвские ребята по своей инициативе сделали электрополировку.

Самое тяжкое для меня начинается ночью. Закрываю глаза, и перед мысленным взором проносится, прокручивается весь суматошный день: не перечислили деньги за нагревательный кабель, нигде нет троса диаметром 11,5 миллиметра, придется брать трос диаметром 13 миллиметров; заказана машина для доставки конструкции из Королева в центр Москвы, но «бублик» не вписывается ни в какие габариты, для провозки нужно получить специальное разрешение, ГАИ должна на два часа остановить всякое движение по маршруту, а сделать это можно только ночью; на площадке необходимо соорудить тщательно выверенную деревянную постель; там должен дежурить автокран, нужно предусмотреть специальные мягкие стропы для разгрузки, чтобы не повредить, не поцарапать поверхность; нужно научить стропальщиков, как цеплять. Ой, забыл проверить болты для крепления. Тяжесть ответственности придавливает, гнетет. Так, спокойно. Нужно отбросить скверные мысли и хорошо отоспаться, завтра – опять туго закрученный день. Еще есть небольшой запас времени, и все еще можно поправить. Получилась хорошая и по-настоящему красивая конструкция, уложился в массу 450 килограммов, по моим кондукторам и по моей разметке на высоте 96,2 метра на фасаде просверлены отверстия для крепления часов. В четыре часа утра просыпаюсь в холодном поту: приснилось, что ошибся с размерами отверстий. Прокручиваю в уме. Нет, все правильно, но жесткость чашек для часов нужно проверить еще раз. Хватит ли прочности болтов крепления? Боже милостивый, когда это все закончится?

С утра еду к Владимиру Ильичу Травушу, главному конструктору «СИТИ», просматриваем с ним все мои расчеты, он ободряюще улыбается – все в порядке. По два-три раза на день меня ловит Серегин и начинается: «Где конструкции? Как выполняется график? Почему не информируете?» Ему нужно докладывать Гаазе, он трусит, мотает мне и так вконец истрепанные нервы.

Наконец, 24 декабря поздно ночью удалось привезти на площадку конструкцию. Мой бригадир монтажников Коля Гапчук все сделал правильно, разгрузил,

разложил и собрал.

Утром приезжают Кравцов с Писаревым, и мы любуемся лежащей перед нами на снегу фантастической фигурой. Громадная баранка с ресничками-минутами соревнуется в блеске со свежеснегавшим снегом, вынесенные на тонких трубках круглые плоские-часы похожи на глаза инопланетного чудовища.

Первый день реальных успехов, но самое главное еще впереди. Приезжают из «Эдлайна» декораторы, светотехники, монтеры, привозят целую машину оборудования, кабелей и проводов. Времени в обрез, и они работают в три смены, на морозе, в тонких перчатках, лишь иногда прерываясь, чтобы отогреть коченеющие руки. А мы с Колей Гапчуком готовимся к монтажу. Громадное, хлипкое и хрупкое полутонное сооружение предстоит вознести на стометровую высоту вдоль стеклянного фасада, там, на высоте, освободить от транспортной рамы и траверсы, выверить с точностью до миллиметра, притянуть болтами к этому стеклянному фасаду, но так, чтобы, не дай господи, не повредить этот самый фасад; не дай господи, не зацепить, не порвать паутину проводов и кабелей, опутавших часы. Не дай господи, не повредить хрупкие пластиковые колпачки, ограждающие светодиоды; не дай господи, не стукнуть этот фасад при подъеме! И все это зимой, на морозе и наверняка ночью.

Я думаю, что цирковые номера под куполом не отработываются с такой тщательностью, как мы с Колей отработывали эту операцию. В бригаде шестеро украинских хлопцев из Тернополя, приехавших в Россию на заработки, все – асы монтажного дела, отработавшие со мной больше года, и мы проходим с ними раз за разом, до мелочей, все этапы предстоящей работы. Долго и тщательно я подбирал монтажную лебедку. Она должна быть тихоходной, с плавным ходом, с большим барабаном для троса и очень надежной. Нашел такую, но она весит 350 килограммов, вручную не поднять, и мы устанавливаем на крыше легкую лебедочку, с ее помощью поднимаем основную лебедку и бухту троса – 140 метров. Весь сложный подъемный механизм нужно тщательно закрепить и выверить, вывести силовой и управляющий кабели, укрыть от снега, соорудить монтажные люльки, с которых предстоит работать. Лифты на башне еще не работают, и я по четыре-пять раз в день поднимаюсь по лестницам на тридцать четвертый этаж. Восемьсот ступенек вверх – восемьсот ступенек вниз, и снова восемьсот вверх... К вечеру ноги становятся чугунными и подламываются в коленях. Я читал, что есть такой вид спорта и что проводятся соревнования по скоростному подъему на небоскребы. Так вот, после таких тренировок я вполне мог бы...

Наступает двадцать девятое – день штурма высоты. Отгоняем толпу зевак и устанавливаем ограждение. Можно начинать, но нет автокрана. Вчера вечером ругался на строительном диалекте с механиком: кран к девяти, кровь из носу! Но вот уже десять часов, одиннадцать, а крана нет, вышел с базы, а где он? Начинаю понемногу сходить с ума.

– Коля, вот деньги, беги, ищи левака. Нельзя срывать монтаж!

Но где там, какой левак может быть в этой сумасшедшей предновогодней городской суете! Кран появляется без двадцати двенадцать, он застрял в пробке где-то на Ярославском шоссе, и у меня уже нет сил материть его.

– Коля, давай вперед!

Гапчук собран и спокоен, он проверяет рации, еще раз инструктирует хлопцев. Я отхожу в сторону, чтобы не сорваться, не вмешаться без толку в дело. Предстоит сложная и четкая совместная работа двух механизмов – автокрана и лебедки на крыше. Старт! Коля работает ювелирно. Вот перевалили через выступающий вперед стеклянный атриум, и гигантский паук медленно-медленно приближается к фасаду. Теперь предстоит еще один цирковой трюк – отстропить, освободить автокран на уровне наклонного стеклянного атриума, покрытого свежим снежком, там Коля заранее навесил лестницу. Поднимается ветер, мотает, относит в сторону моего паука, злобно пытается хлопнуть им по стеклянному фасаду. На канатных оттяжках повисли, держат его мои хлопцы. Нет, обошлось. Коля Гапчук работает четко, отдавая команды по рации, медленно и плавно подводит конструкцию к фасаду, медленно и плавно мои часы ползут вверх. Монтажники бегают по балконам, перехватывают оттяжки, ведут груз. Десятый этаж, одиннадцатый этаж... тринадцатый... Стоп, все встало.

– Коля, в чем дело?

– Эдуард Иосифович, нет энергии!

Бегу на подстанцию. Оказывается, какой-то идиот на стройке вздумал что-то подключать на девятом этаже и вырубил электроэнергию. Два часа ищу этого идиота, а он ушел обедать! Уже исчерпаны все мои активы специфического строительного языка. Потеряно время, короткий зимний день сменяется

сумерками. Медленно ползут вверх, уменьшаясь в размерах, мои часы. Двадцатый этаж, остановка, монтажники перебрались на балкон следующего этажа. Двадцать первый этаж, двадцать второй... двадцать пятый... тридцатый... Остановка.

- Коля, в чем дело?

- Эдуард Иосифович, лебедка не тянет.

- Как не тянет? Лебедка на 600 килограммов, с запасом!

Поднимаемся наверх, снова восемьсот ступенек, а там, на крыше, застаем жуткую картину: стосорокаметровый трос заполнил весь барабан, в несколько слоев, и забил, заклинил лебедку. Вспоминаю, что лебедка рассчитана на трос 11,5, а снабженцы привезли трос 13. Не подумал, упустил, ошибся. Осталось-то всего четыре метра, чертов паук болтается на ветру на стометровой высоте, ни вверх, ни вниз, и это катастрофа. Но у меня есть Коля Гапчук.

- Эдуард Иосифович, будем поднимать ручными таями.

- А тали есть?

- Есть только одна, нужна еще одна для перехвата.

- Садись в мою машину, поехали искать. Возвращаемся уже поздним вечером, включаем прожектор. Мои хлопцы-монтажники стоят группой, смущенно мнутя.

- Эдуард Иосифович, у нас поезд через два часа.

Они уже почти год не были дома, на новогодние праздники их ждут жены, семьи. Они так долго ждали этого дня. Для меня это был еще один нокдаун, второй за вечер.

Вообще-то в повседневной практике после двух нокдаунов боксера снимают с ринга, но я цепляюсь за канаты, пытаюсь удержаться на ногах.

– Вот что, хлопцы, – говорю я, – троих из вас я отпускаю, а остающихся, даю слово, отправлю завтра. Знаю, что трудно с билетами, но гарантирую, что достану и отправлю. Вы мне верите?

Ребята совещаются и договариваются, что остаются Микола, Грицко и Михаил. Да и у нас с Гапчуком есть руки. Полметра вручную подъем на тали, перехват, еще полметра, еще перехват. немеют руки, глаза слепнут от лучей прожектора. К одиннадцати часам добрались до места. Сумасшедшая мысль: а вдруг не совпадут крепления? Что тогда? Но все совпало. Помогаю спустить люльки, отсоединить раму и траверсу, завести и затянуть болты крепления.

– На сегодня все, отбой, заканчиваем завтра утром. Автобус увозит рабочих, а я, едва живой, еду домой ночной Москвой.

Тридцатое декабря, день удач. Утром опустили траверсу и тали, завели внутрь здания пучки проводов и кабелей. Ничего не разбито, не повреждено. Стою внизу, задрал голову, и не верю, что мы совершили это чудо. Кто-то сильно хлопает меня по плечу, оглядываюсь – Оголь.

– Ну ты, Эдуард, даешь! Не верил, не верил!

– Знай наших, Иван Семенович!

Подъезжает Серегин, знакомые строители, вертят головами.

– Слушай, а как ты умудрился это сделать? Они не свалятся нам на голову?

Я посмеиваюсь.

– Полезайте наверх, посмотрите.

На больших черных машинах подъезжают Орджоникидзе, Гаазе, Писарев, пожимают мне руку, благодарят. Илья Дмитриевич доволен, смеется.

– Иосиф Николаевич, я же говорил Вам, что школа Минмонтажспецстроя жива и никогда не подводит.

– Харашо, маладцы, – говорит Орджоникидзе. – А когда загарится?

– За два дня закончим монтаж и наладку, включим вовремя.

Наверху, на тридцать первом этаже колдует Володя Макаревич. Собирает электрическую схему, прогоняет командоаппарат, настраивает систему.

А хлопцев я отправил домой, на Украину, только пришлось просить Писарева о помощи. Билеты достали через какую-то бронь правительства Москвы.

В предновогодний вечер сажаю в машину жену Люсю, и мы едем смотреть новоявленное чудо – мои часы. Как только мы подъезжаем, в темноте ночи вспыхивает огненное кольцо, гаснет, и вот по кругу побежали реснички-минуты. Володя Макаревич прогоняет часы в режиме наладки. На площади перед башней – толпа людей, задранные вверх лица. Отсчитываются последние часы уходящего века, а я стою, опустошенный, и грущу, самому не понятно, о чем.

Потом я задавал себе самому вопрос: зачем мне был нужен этот напруг, эта бешеная гонка, эта жизнь на грани срыва? Неужели нельзя жить размеренно и спокойно? И не находил ответа. Больших денег мне это не принесло, славы – тоже, да я за этим и не гонюсь. Прежде всего, это нужно мне самому. Такие события – яркий фейерверк на сером полотне жизни. Я сам, по своей воле устроил себе этот экзамен и выдержал его. Это была моя вершина, она покорена. Будут у меня и другие вершины.

Я не сноб и не стяжатель лавров, но иногда всплывает в памяти, приятно щекочет самолюбие мысль, что я оставил после себя следы, за которые не стыдно. Они разбросаны по Москве и не только по Москве, и можно подойти, постоять, спросить холодный металл:

– Ты помнишь обо мне? Я нарисовал тебя на листе бумаги, я прожил с тобой эпизод моей жизни, я мучился с тобой, и ты мне покорился.

Надменный металл не помнит, но помню я.

Художник

- Сережа, а нарисуй испуганного человека.

Сережа задумывается на минуту, и вот на листе бумаги возникает картинка: высокий забор из сплошных, скучных, серых досок, над верхним обрезом – пальцы уцепившегося за них человечка, а между пальцами – разбежавшиеся в ужасе глаза под взметнувшимися вверх бровями и вспаханный морщинами лоб. Это была занимательная игра – несколькими движениями карандаша изобразить задание. У Нины хранились Сережины эскизы. Веселый – круглый, как колобок, откинувшись назад и выставив пузо, заразительно хохочет. Злой – под густыми взъерошенными бровями – пронзительный, напряженный взгляд. Были здесь Дождик – лужи с веселыми пузырями – и Солнце – отразившееся в тех же лужах. Четкие, летящие карандашные линии.\

Они были очень разными, Нинины сыновья, старший Сережа и младший Саша. С Сашей было все ясно – как две капли воды похож на отца, Виктора, и внешне, и темпераментом. Неулыбчивое аскетичное лицо с породистым, четко вылепленным крупным носом, жесткая щетина волос. Целеустремленность и упорство в достижении цели, затаенная тоска по не совершившемуся и обида на несправедливость.

Жизнь действительно была несправедлива к Виктору. Его детство прошло в Москве, единственный сын инженера Гертера, отдельная квартира в Хамовниках, выходящая окном на Москву-реку, а дальше, за рекой, – Нескучный сад – праздничная картина, запечатлевшаяся навсегда в памяти. И конечно, двор, полный друзей. Кумиром и заводилой мальчишек во дворе дома был Егорка, льнокудрявый физкультурник с ткацкой фабрики. У Егорки были ярко-голубые веселые глаза, задорный курносый нос и округло вылепленные мускулы торса. Он мог двадцать раз подтянуться на дворовом турнике с преданностью – ноги вытянуты в струнку под прямым углом. У Вити так не получалось, но он очень старался, наращивал мышцы, хорошо учился в школе. Все было светлым и радостным в том далеком детстве, а потом и в юности.

Отца Вити почему-то не арестовали в тридцать седьмом, хотя забрали почти всех, кто работал с ним рядом на патронном заводе. Но страшные дни, месяцы, годы ожидания ареста, когда просыпаешься ночью от каждого шороха, не

прошли даром для него. Стало прихватывать сердце, два раза лежал в больнице после сердечных приступов. Может быть, потому-то и не арестовали? Он умер накануне войны, прямо за рабочим столом остановилось инженерское сердце. Это было первым из ударов, разрушивших хрустальную московскую мечту Виктора. С началом войны, в августе сорок первого краснопетличные энкавэдэшники выселили их с мамой из московской квартиры и шестнадцатилетнего Виктора отправили в Севураллаг валить лес на благо Родины. Маму Ольгу Александровну, урожденную Савицкую, забрали тоже, эшелонам вывезли в Казахстан. Тогда не разбирали – русская или нерусская, было не до этого, раз фамилия немецкая, значит, враг, значит – долой из Москвы. Виктор освободился из лагеря в сорок шестом. Деятельная Ольга Александровна писала письма во все инстанции, что она инвалид, нуждается в опеке и уходе, Виктор – единственный сын, больше некому о ней заботиться, и добилась, наконец. У нее действительно были больные ноги. Виктор определился с работой на завод имени Пархоменко учеником токаря, а учителем его стал пленный немец Дитер, маг и чародей токарного искусства. Он научил молодого и старательного ученика всем премудростям сложного и тонкого дела. Как затачивать резец под чугун и как под твердую сталь, как выбирать скорость оборотов станка и как добиваться гладкой и чистой поверхности обтачиваемой детали. В сорок восьмом Дитер вернулся к себе в Германию, а Виктор стал лучшим токарем в инструментальном цехе завода.

Жизнь понемногу налаживалась, он встретил Нину, растут сыновья, но прошлая обида болезненной, незаживающей занозой застряла в памяти. Стоило ему выпить, как пережитое прошлое черной пеленой затемняло ему мир, и Нине нужно было много терпения, чтобы утихомирить мужа.

У Сережи все было не так, как у отца и младшего брата. Бесформенный, картошкой нос, точно, как у Нины, все черты лица – округлые, незавершенные; непокорные, слегка вьющиеся волосы и взгляд, устремленный в себя, словно какая-то затаенная мысль постоянно мучает его. Непредсказуемость и тягучесть была и в поступках, в характере. На ранней детской фотографии он – пухленький, очаровательный ангелочек, радостно улыбающийся, – сидит с детским мячиком на бабушкином диване. Первый внук в только что построенном бабушкином доме, и бабушкины надежды на новую, светлую и счастливую жизнь. Пережито, слава богу, голодное послевоенное безвременье разрушенной страны, и на Сереженьку не могут нарадоваться счастливые родители и счастливые бабушка с дедом. Но потом, после рождения младшего брата Саши,

все пошло как-то вкось и вкривь. Был Сережа первенцем, баловнем, центром всеобщего внимания, но вдруг появляется новая кукла, и Сереженька уходит на второй план. Неосознанная, затаенная ревность и соперничество будут сопровождать братьев всю жизнь.

Сережа все схватывал на лету, легко и без напряжения. Рано, в пять лет, научился читать, хотя специально никто его этому не учил. Читал все, что попадалось, без разбора, и второй том Пушкина, еще из Москвы, потрепанный и любимый Ниной, и «Жизнь животных» Брема, тоже из Москвы, разрозненные тома, чудом сохранившиеся после всех переездов и переселений, и «Милый друг» Мопассана. Нина недоумевала, что он понял в этом «Милом друге», но его, скорее всего, увлекал сам процесс чтения. А Нине было некогда всерьез заниматься воспитанием старшего сына. Работа в школе, проверка тетрадей, уборка-стирка-готовка, капризная свекровь, пеленки младшего сына поглощали все время. А лето Сережа проводил, конечно, у бабушки в загородном доме, там свежий воздух, там был простор, друзья-мальчишки, там ему было лучше.

В школе Сережа учился ни хорошо, ни плохо, середнячком, при том что все предметы давались ему легко. Ему не нужно было зубрить, долго сидеть над домашними заданиями, просто все это ученье было Сереже неинтересно. Кроме русской литературы и рисования. На уроках литературы он мог поразить Евгению Ивановну, прочитав наизусть «Узника» Пушкина или «И какой же русский не любит быстрой езды...» из «Мертвых душ», то, что не задавали. Или вдруг заявить, что Пушкин писал не по вдохновению, а по необходимости заработать деньги. Евгения Ивановна, пышная формами, экзальтированная дама, обожала Сережу и с придыханием высказывала Нине, какой у нее замечательный сын, и как тонко он чувствует русскую литературу. Учитель рисования и черчения Михаил Григорьевич ставил Сереже только пятерки. У Сережи Гертера была легкая рука, безошибочно очерчивавшая контуры предметов, а искусство перспективы он понял и поймал с первого же слова.

– Вашему сыну нужно совершенствоваться в рисовании и живописи, – настойчиво говорил Михаил Григорьевич Нине.

Она пропускала это мимо ушей. Какая живопись? Разве можно чистым искусством заработать на жизнь? Нина прошла через это. В юности она увлеклась богатством и красотой русского языка и мечтала стать лингвистом. Два курса в университете на филологическом факультете, а потом суровая

действительность жизни заставила ее оставить университет, и пришло понимание того, что души прекрасные порывы и необходимость зарабатывать средства существования расходятся по разным дорогам. Вот и работает Нина учительницей в младших классах, привыкла, научилась радоваться общению с детьми, убедила себя, что нести детям доброе и вечное – ее призвание. А красота и богатство великого и могучего – это осталась с ней, это красота и богатство ее души.

Как случилось то, что старший сын все больше отдалялся от нее, все больше уединялся в своей комнатухе? Молчаливый и замкнутый, он жил в мире книг. Мир этот поражал мать разнообразием и взаимной несовместимостью: Рэй Бредбери, Артур Кларк и Зигмунд Фрейд, книги по истории и растрепанный том «Жизнеописаний наиболее выдающихся живописцев» незнакомого автора Джорджо Вазари. Откуда, какими путями достает он эти редкие книги? Юношеские увлечения, думала она, пройдет, перемелется. В семье уже давно сложилось понимание того, что сыновья должны пойти по стопам отца на производство. А живопись? Пусть она останется увлечением, украшающим серость будней.

Вот так, по литературе и рисованию – пятерки, а по остальным предметам сын переползал с троек на четверки. Не потому, что неспособный, а по лени и небрежению.

– Сережа, почему ты меня позоришь? – время от времени возникал педагогический, как язвил сын, разговор. – Анна Михайловна опять упрекала меня, что ты не сделал домашнее задание, грубишь ей на уроках.

– Опять эта мымра-математичка, – морщился Сережа. – Достала она меня.

– Это не она, это ты ее достал! Она несчастная женщина, у нее болят дети, муж выпивает, а тут вы портите ей и без того тяжелую жизнь. А Денис Евгеньевич жалуется, что на уроках физики ты о чем-то мечтаешь, не слушаешь его объяснения...

– Да что мне его объяснения? – отговаривался сын. – Я и без него знаю закон Ома. Я «Занимательную электротехнику» Перельмана давно уже прочитал. Ну ладно, не нудись, так уж и быть, исправлю я оценки и по математике, и по физике, чтобы не приставали к тебе.

Он набрел на этот салон случайно. Болтался бесцельно по улицам, томимый бездельем, какой-то неясной безысходностью. На его Федоровке – рабочем поселке на задворках Караганды – вообще была серая тоска. Грязная улица с обшарпанными пятиэтажками, через дорогу – унылый подслеповатый куб заводской проходной, справа от него – ржавые ворота, из которых выезжали ржавые грузовики с какими-то железками в кузове. Дальше, за заводом, – карьер, вздыбившийся безобразными кучами песка с клочьями полурастаявшего грязного снега. Снег в поселке никогда не был белым, он даже падал серыми хлопьями, а упав, тут же покрывался черными разводьями. По улице шли одетые в серое, безразличные люди, не отрываясь, смотрели вниз, себе под ноги, чтобы не оступиться, не поскользнуться на затоптанном снегу, чтобы спрятать глаза от серого неба, низко нависшего над черной землей.

В городе было не так томительно. Ходили автобусы, туго набитые людьми, плотно стоявшими на остановках. В витринах магазинов стояли манекены с нелепо раздвинутыми, неподвижными руками. Стайка смеющихся девушек прошла мимо, занимая почти весь тротуар, так что Сереже пришлось посторониться, и он еще долго смотрел им вслед, недоумевая, чему они могут радоваться. Девчонок Сережа не принимал и не понимал. Все они были ломаки, жеманно хихикали и болтали всякую чепуху, стреляли глазками, бездумно зубрили школьные предметы. О чем с ними можно говорить? Разве что – дай списать домашнее задание, а то я не успел...

На фасаде была надпись: «Художественный салон “Эврика”». Сережа поморщился: от этого салона, и особенно от эврики, за версту несло мещанским самохвальством.

Салон – это что-то такое напыщенное, напудренные дамы и кавалеры раскланиваются и приседают в реверансе, разводя руками, как манекены в витрине. Он прошел было мимо, но почему-то остановился. Надпись была легкой, стремительные буквы выстроились в безупречную строку, а язычок у «Э» изящно поддразнивал Сережу. Потоптавшись, он толкнул дверь, легко и услужливо расступившуюся перед ним. Внутри салон был освещен ровным, теплым светом. Он нерешительно переминался с ноги на ногу, не зная, что предпринять. Невысокая и стройная молодая женщина, какая-то очень ладная, Сережа не смог сразу разобраться, почему она ему так понравилась, вышла навстречу.

– Вы что-то хотели?

Сережа конфузливо топтался, стащив с головы шапку, мял ее в руках, беспомощно озирался.

- Вот я шел мимо, хотел посмотреть...

- Если Вы хотите посмотреть экспозицию, у нас, извините, вход платный.

Только сейчас он заметил слева изящный столик с надписью: «Ваш взнос – на развитие и продвижение искусства» с горкой монет и бумажек рядом. Тут же – настенная вешалка с несколькими висящими на ней плащами. Сережа вытащил мятый рубль из кармана, повесил свою не совсем чистую, с прорехой на рукаве куртку и прошел, стыдливо осознавая неприличность в открывшемся ему пространстве своих выдавших виды ботинок и мятой рубашки с залоснившимся воротом. Помещение было небольшим, очень чистым и светлым, на стенах висели картины в рамках.

- Можно посмотреть? – спросил он у женщины.

- Да, конечно, и даже купить можете, если что понравится.

В том, что этот недотепа может что-то купить, Валентина Николаевна очень сомневалась, тем не менее в стеснительности и неуклюжести парнишки была некая необычность, и она краем глаза наблюдала за ним. У Валентины Николаевны был наметанный глаз на посетителей. Обычно они скользили равнодушными взглядами по скромным этюдам, висевшим на стенах, потом подходили к ней:

- Скажите, а нет ли у Вас чего-нибудь такого? – они пальцами крутили в воздухе. – Поярче!

- Нет, поярче у нас нет.

После этого посетители из вежливости спрашивали, а почему эти, кивали и уходили. А этот подолгу останавливался перед каждой картиной, разглядывал молча, особенно долго он стоял перед небольшой картиной Эрика Блюменкранца, несомненно, лучшей на ее выставке. Это был пейзаж в стиле Левитана – тихий уголок карагандинского парка. Парнишка приглядывался к

картине справа и слева, молча шевелил губами. А тем временем помещение наполнялось гулом голосов. Молодые веселые люди с мольбертами в руках раздевались, переговаривались, шутили. Валентина Николаевна подошла к новичку.

– Извините, выставка временно закрывается, у нас сейчас начинаются занятия в студии.

– Занятия? А... А можно мне? Попробовать? Только у меня с собой ничего нет...

– Хотите попробовать? – какое-то озорное любопытство толкнуло ее. – Хорошо. Эрик, у нас есть свободный мольберт?

Сегодня темой занятий была классика – гипсовый бюст на смятой, складками скатерти. Валентина Николаевна ходила, наблюдая за рисующими. У Наташи, как всегда, было неважно с пропорциями, она не чувствовала их, лоб и подбородок выходили неестественными, и Валентина Николаевна терпеливо поправляла ее. У Кости хромал рисунок, его штрихи были несмелыми, он долго, мучительно искал верный контур. Только Эрик, как обычно, творил легко и быстро. Изящный, но мертвый, холодный кусок гипса на нарядной салфетке. Эрик был легким по характеру, и Валентина Николаевна не знала, что с этим делать. Несомненно, большие способности, верная рука, но не было твердости характера; все, что он делал, было скольжением по поверхности. Уже заканчивалось время, отведенное на урок, и она подошла к новичку, неловко скорчившемуся за самым задним столом. Это было удивительно. Голова, обрисованная четкими, уверенными линиями, казалась живой, застывшей в мучительном развороте, все пропорции были пойманы. Несомненно, в рисунке были недостатки, не были проработаны полутени на гипсе, черты лица были смазанными – то, что дается длительным опытом, – но у этого парня было главное – твердая рука, верный глазомер.

– Вы где-то учились раньше?

Он смешался, боднул шишковатым лбом.

– Нет, я сам.

– Всем внимание, урок закончен, – объявила Валентина Николаевна, – будем подводить итоги. Галя Выхина. У Гали есть успехи. Но посмотрите на складки скатерти. Они же совсем плоские, Гале необходимо продолжать работать с тканью. Косте нужно отрабатывать рисунок. У него хорошо получаются тени, но рисунок неуверенный, а дается это работой и только работой. Занимайся дома с простыми геометрическими телами – конусами, кубиками, шарами. А еще я хочу представить вам, друзья... Кстати, как Вас зовут? Сережа? Вот его рисунок. Давайте устроим коллективную разборку. Вы, Сережа, не против? Ну и отлично. Только не обижайтесь на критику. Кто начнет? Эрик?

Этот Эрик был задавакой и любителем покрасоваться. Он начал говорить об игре света и тени, о свете падающем и отраженном...

– А мне нравится, – просто сказала Наташа, – как бы там ты, Эрик, ни умничал.

Валентина Николаевна Иванченко окончила Высшую художественную школу в столице – «Вышку» в просторечии. Преподаватели говорили, что у нее есть большие способности и пророчили ей карьеру в живописи, но художником Валентина Николаевна не стала. Не чувствовала в себе божественной искры. Она была женщиной и понимала, что служить высокому искусству можно только отнесясь от всего личного, принеся в жертву семью и благополучие. Не была она способна на жертвенность, и решила служить Аполлону расчетливо и с пользой. Продав загородную дачу, оставленную родителями (эта дача была ей совсем ни к чему), Валентина Николаевна открыла небольшой выставочный салон на улице Ерубаева и стала собирать молодых, подающих надежды художников. Ой, каким непростым было начало! Сколько кабинетов пришлось пройти! Для стартовой выставки она наскребла полтора десятка работ, своих, пылившихся на родительском чердаке, да еще помогли старые друзья по школе. Но в отделе по культуре при Горсовете ей откровенно дали понять, что без опоры на национальную культуру салону не позволят работать. Пришлось повесить, по рекомендации этого отдела, бездарную мазню Жаныбекова, вообразившего себя великим сыном казахского народа. Этот Жаныбеков теперь регулярно приходит, дурно пахнет, надолго рассаживается в центре зала и надоедает Валентине: «Почему до сих пор не продали мои картины? Я нарисовал еще три, завтра принесу...» Приходится терпеть, выкручиваться, объяснять, что места нет, нужно подождать. А молодые ребята потянулись к Валентине. После строгого отбора она оставила пятерых самых способных, да еще пришлось держать Фариду Беклемишеву, полную бездарность, но без национальных кадров никак нельзя.

Ребята были молодые, все очень разные, и Валентина терпеливо занималась с ними. Учила тому, что знала и умела сама: как владеть карандашом, углем и кистью, как натягивать и грунтовать холст, как класть тени... Удачные этюды выставлялись на продажу, и постепенно салон приобретал известность. Стали поступать заказы – на натюрморты, на букеты цветов и на портреты, большей частью по фотографиям почивших родственников. Валентина понимала, что такого рода заказы опасны для художника: можно скатиться к иллюстративности, потерять тонкое ощущение жизни на полотне, но нужно было как-то существовать, зарабатывать деньги. Понимала она также, что из Миши Визильтера никогда не получится подлинного художника, слишком увлекался он цветовыми эффектами, зато его букетики и слоники охотно покупались непритязательной публикой.

Большие надежды подавали трое. Эрику – легкому, стремительному и в жизни, и в творчестве – не хватало усидчивости, терпения, тщательности в работе, отчего его картины носили характер незавершенности, эскизности. Что делать, таков был его характер, а характер художника неминуемо проявляется в его работах – так философствовал профессор Вязников в Вышке, и только пережитая трагедия или высокое чувство способны изменить общее восприятие жизни художником. Эрику это не грозило – у него была состоятельная семья, и он свободно скользил по жизни.

Костя был прямой противоположностью Эрику. Медлительный не улыбочивый тугодум, он обладал исключительной работоспособностью. Всегда недовольный собой, он снова и снова смешивал краски, пока не добивался своего. Его картины были его собственным отражением – вязкая тяжесть обнаженной земли, несокрушимость стволов деревьев, тугая, маслянистая зелень листвы. Костя шел дорогой поиска и тяжелого труда, где много неудач и редко-редко мелькает озарение. Хватит ли у него работоспособности, чтобы выйти на признание ценителей искусства?

Всего труднее было с Натальей Горелой, чувственной и неуравновешенной, с ломким характером и резко меняющимся настроением. В периоды духовного подъема у Наташи получалось все, ее рука становилась твердой, глаза горели вдохновением. Но проходил эмоциональный заряд, и Наташа превращалась в дохлую рыбу, как называл ее состояние бесцеремонный Костя. Она даже менялась в лице, точно это была другая, не похожая на ту, вдохновленную. В это время Валентина Николаевна оставляла свою ученицу в покое, женским видением понимая бесполезность давления, и Наталья сидела, сложив руки,

наблюдая все происходящее безучастно и тоскливо.

В рисунке новичка было что-то необычное, что Валентина угадывала за дилетантскими неправильностями, и весь он был неправильный, угловатый, неотесанный, стеснительный. Потом, после занятия, он остался, подошел к ней, мялся, топтался нерешительно.

– Я вот... Хотел бы... А можно я к Вам на занятия ходить буду?

– Конечно, можно, Сергей. Только ты должен понимать, что все это – и холсты, и краски стоят денег.

– Я понимаю. А сколько нужно платить?

– Ну, мы не устанавливаем единую плату, ребята платят, кто сколько может. Это добровольно, на общее дело.

Сережа перестал получать тройки в школе. У них с отцом состоялся мужской разговор, результатом которого стала договоренность: деньги на занятия в студии – только при условии «без троек», и это условие твердо выполнялось обеими сторонами. Нина удивлялась, видя, как на глазах меняется сын. Студийцы молча приняли Сережу в свою среду. Это был другой, ранее не ведомый для Сергея мир, где обязательным было неброско, но стильно одеваться и где были встречи друзей на квартирах. На этих встречах слушали музыку на костях – не ту, что неслась из черных тарелок репродукторов, а ту, что записывалась на рентгеновских снимках и продавалась на черных рынках, – Элвис Пресли, «Beatles», «Rolling Stones». На этих дружеских встречах обсуждали то, что удавалось услышать ночами сквозь вой заглушки, и выпивали. Душа художника, рассуждал Эрик, должна отрываться от земли, должна витать в тонкой ауре и тумане образов и эмоций, лучше всего для этого подходит виски, да вот где его достать? Поэтому довольствовались коктейлями из болгарского сухого вина, сдобренного презренной водкой, с добавками неведомых ароматов из секретных пузырьков.

Все это стоило Нине немалых денег, но она сэкономила, выкручивалась, скрывая многое от Виктора. Муж был совершенно нетерпим к этому баловству. Огорчало ее то, что Сережа стал частенько приходить поздно и в крепком подпитии, а она

не спала, слушала шаги на лестнице. Сын все больше отдалялся, замыкался в своем собственном мире, запирался в своей комнате. Его комната в квартире, размером всего-то два на три, превратилась в хаотический склад странных вещей. С радиорынка-развала Сережа притащил грудку радиодеталей – стальные шасси, радиолампы, мотки проводов, динамики, жучки конденсаторов и электросопротивлений. Целую неделю до глубокой ночи по квартире гулял сладковато-трупный запах горелой канифоли и доносился треск настройки – Сережа паял, собирал коротковолновой радиоприемник, выводил через окно на крышу сложную антенну, благо, что квартира была на пятом этаже. Обедать-ужинать ему было некогда – «Ой, мам, потом, вот пропаяю выходной каскад...», и Нина приносила ему суп и котлеты в мисочках, а утром еле расталкивала полусонного, выпроваживала в школу – десятый класс, скоро выпускные экзамены. Наконец, эта схема из проводов и радиоламп, разложенная на столе и развешанная на стене, заработала, и теперь ночами Сережа не спал, слушал сквозь вой и треск помех вражеские голоса и запретную музыку.

Виктор долго терпел, но не выдержал.

– Вот что, сын, – заявил он решительно, – завалишь выпускные экзамены – выкину всю твою эту требуху на помойку, ты меня знаешь.

И Сережа смирился, взялся за учебники, сдал все экзамены на четверки, принес аттестат зрелости, небрежно швырнул его родителям:

– Вот вам, подавитесь!

Отец вскочил с кулаками, и Нине едва удалось смирить разбушевавшихся мужчин. Сергею был представлен выбор: или он поступает в институт, или идет в рабочие на завод, рядом с отцом. Детство закончилось, и если он думает, что получит хоть копейку на свои бездельные занятия, то глубоко ошибается. Сережа выбрал Горный институт. Без всякого труда сдал вступительные экзамены, был зачислен, но уже в третьем семестре отчислен за непосещение лекций и неуспеваемость и загремел на два года в армию.

Институт не был нужен Сергею. Он решил, что станет настоящим художником. Только так сумеет он завоевать сердце Наташи. Наташа Горелая не была похожа на других девчонок, глупых и невежественных. В десятом классе девчонок было большинство – пятнадцать на десять ребят, и на что они были способны? Списывать на уроках, томно закатывать глаза и беспрерывно трещать – о новом кинофильме с душкой Тихоновым в главной роли, о новой модной прическе, как у Бриджит Бардо, о тряпках и, конечно, о мальчиках. Наташа была совсем другой, необыкновенной, тонкой и неземной. Сережа восхищался ее акварелями, в которых жило весеннее небо, прозрачные лепестки цветов, неопределенно смутные, тающие в воздухе силуэты людей. Она сама была акварельной. Облачко пепельных волос, акварельные, изменчивого цвета глаза – от ярко-синего, пронзительного, до прозрачно-голубого. Полураспустившийся бутон нежных губ, трогательный остренький подбородок. Ее лицо было неуловимо переменчивым, как и ее настроение. Наташа могла прийти в студию в модных джинсах, обтягивавших стройные ножки (и у Сережи перехваты-вало дыхание, магнитом притягивался взгляд) или в темном монашеском платье, плотно застегнутом на ее тонкой шейке, и мировая скорбь таилась в хрупкой девичьей фигурке и остановившемся взгляде. А он, Сергей, был неотесанным медведем, неуклюжим, неловким. Разве мог он сравниться с блестящим и галантным Эриком? Сережа молча страдал, мучился... и работал стоически и самоотверженно.

Валентина Николаевна на занятиях рассказывала о секретах мастерства в живописи, и он открыл для себя тайну прозрачного неба. Нужно нанести на холст темный подслон, затем укрывать его тонкими мазками светлых красок, и в какой-то момент случится волшебство – небо распахнет в глубину, в картину ворвется воздух. Теперь он писал только пейзажи. Разъезженная грунтовая дорога, тянущаяся между безлюдных, безмолвных полей к светлому, сияющему горизонту. Игра солнечных бликов в тополиной листве на фоне сливочных облачков, белье, полощущееся на свежем ветру. Его пейзажи жили своей природной жизнью, и люди там были не нужны.

У Нины на стене висит последний портрет, написанный Сережей, – внучка Юленька как живая, застенчиво- радостно смотрит на бабушку.

Это случилось в понедельник. Или во вторник? Нет, точно в понедельник. В воскресенье Сергей с приятелем Белкиным ездил на пригородном поезде рыбачить на речку Солоничку. После целого дня, проведенного на солнце,

горело лицо и шелушился нос. Валентина Николаевна встретила его с сияющей улыбкой.

– Ты, Сережа, сегодня именинник. На твой пейзаж нашелся покупатель. На тот, который тебе не нравился, с кувшинками в озере, ты считал его слишком слащавым. А простым людям это кажется красивым. Я понимаю, что в твоей последней работе с сохнувшим бельем больше реализма и жизни, но вряд ли кто-то захочет повесить твое белье у себя в квартире на стену. Покупают букетики цветов и собачек, греющихся на солнышке. Такова реальность, и с этим нужно считаться, чтобы зарабатывать на кусок хлеба. Вот, кстати, твоя доля – тридцать пять рублей. Не маши руками, ты честно заработал.

Друзья встретили новость с восторгом.

– Это тебе так не пройдет. По нашей традиции, сегодня обмываем твою премьеру.

Собрались вечером вчетвером на Наташиной квартире, родители у нее уехали в отпуск по профсоюзной путевке. По дороге в магазине закупили водки, вина и консервов для закуски – «Завтрак туриста», «Сайра в томатном соусе» и непременно тушенка – Костя настоял. Наташа сварила картошку, она стояла посреди стола, исходя свежим паром. Было шумно и весело, радиолка непрерывно играла пластинку с новым, только что появившимся хитом – бархатным баритоном Джо Дассена, каким-то чудом его удалось достать Эрику. Много пили и спорили. Сережино лицо пылало от вчерашнего солнца, от счастья быть полноправным членом общества настоящих художников, от того, что рядом была Наташа в легкой домашней одежде, трогательно милая и близкая. Спорили о месте художника в обществе. Эрик утверждал, что художник отмечен свыше своим даром, что он должен стоять над серой мещанской массой, и нес прочую чушь, о чем Сережа честно и с прямоотой ему заявлял. Костя помалкивал, уплетая свою любимую тушенку, лишь изредка вставлял меткие, совершенно трезвые фразы. Выпили за первый успех начинающего художника, за нашу надежду и опору Валентину, за процветание мира искусства, за успех... Потом еще за что-то. Язык у Сережи стал заплетаться, а ему так хотелось высказать умные, точные, правильные мысли, рождавшиеся в мозгу, но Эрик куда-то исчез, а рядом оказалась Наташа, и он, запинаясь, стал говорить ей о своей любви... Наташа улыбнулась, взяла его за руку:

– Пойдем...

Она отвела его в спальню, закрыла дверь... Выключила свет...

Она отдалась ему привычно и буднично, бесстыдно, без любви и страсти.

Сереза был потрясен этим суррогатом любви. Он заметил, как понимающе переглянулись Костя с Эриком, когда они вышли из спальни.

Они совокупляются, как бродячие собаки на улице, – эта мысль сверлила висок.

Остаток вечера был скомкан, и все разошлись. Поздним вечером он впервые в жизни напился до потери сознания, не помнил, как пришел ночью домой, без денег, с порванной рубашкой и следами блевотины на штанине. Смутно помнилась какая-то подворотня, лохматый мужик, с которым он пил водку прямо из бутылки и которому рассказывал о роли художника в обществе. Мужик соглашался, но говорил, что одной бутылки не хватит... Раскалывалась голова и подступала тошнота. Он целый день провалялся в постели, а утром пошел в отдел кадров, оформился работать электриком на заводе с громоздким названием РГШО – по ремонту горношахтного оборудования.

Встречаться с Наташей было выше его сил, но то, что произошло тогда в ее квартире, вошло в сознание как неизлечимая болезнь, как крушение всей его жизни. Наташа, ее тело, ее запах неотступно преследовали Сергея, снились ночами, и спастись от этого дурмана можно было только погрузившись с головой в работу. Или в алкогольное забвение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dipner_eduard/chasy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)